

Зофя Чапига

Жешувский университет (Польша)

ПОВТОР КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ ЭМОЦИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И ПОЛЬСКОГО ЯЗЫКОВ)

Эмоции представляют собой субъективные психические состояния говорящего, его реакции на события, участников коммуникации, их поведение, объекты, возникшие в результате воздействия внутренних и внешних обстоятельств объективной действительности, лингвистических и внелингвистических факторов (Изард 1999: 53). Язык располагает разнообразными средствами, способными выражать и называть эмоции: просодическими, лексическими, фразеологическими, синтаксическими и стилистическими. Они могут быть использованы отдельно, но возможно также их взаимодействие (Шаховский 2008; Grzesiuk 1995).

В речи для передачи эмоциональной информации несомненно служит повтор. Явление повтора имеет место на всех языковых уровнях: на фонетическом уровне наблюдается повторение звуков или их сочетаний; на морфологическом уровне – повторение морфем; на лексическом уровне – повторение слов; на семантическом уровне – повторение значений, а на синтаксическом уровне – повторение словосочетаний, предложений. Предметом настоящего исследования является именно последний уровень, в котором повтор оказывается универсальным средством передачи эмоций. Анализу подвергаются русские и польские высказывания с лексическими единицами, называющими эмоциональное состояние субъекта, а их повтор, сопровождающийся другими средствами усиления интенсивности, позволяет выразить высшую степень эмоций. Материал для исследования был отобран из литературных текстов путем сплошной выборки (в скобках указывается автор приводимых примеров), а также из корпусов русского и польского языков, что обозначается буквой (к).

Повтор – это упорядоченное повторение слова, словосочетания и большей синтаксической единицы (предложения или его части). Упорядоченность выражается в том, что повторяющиеся единицы стоят в определенной позиции, то есть на определенном месте в предложении, его части, сложном

синтаксическом целом, тексте. На основе повтора формируется параллелизм – повтор смежных синтаксических конструкций: предложений или их частей (Розенталь и др. 1999; Grzesiuk 1995: 133–135).

Слово или словосочетание благодаря повтору получает особое ударение и, не меняя своей синтаксической функции, лексического и грамматического значения, приобретает дополнительную смысловую и эмоциональную значимость. Оно служит, прежде всего, для передачи эмоционально-возбужденного состояния говорящего. Учитывая количество повторяющихся элементов в рамках одного сверхфразового единства, можно выделить:

1) двухкратное повторение:

[1] – Нет, это не может быть! **Как я счастлив!** Но это не может быть... **Как я счастлив!** Нет, не может быть! – говорил Пьер, целуя руки княжны Марьи. – Вы поезжайте в Петербург; это лучше. (Толстой)

[2] Она смеялась словно с неохотой, нагнув голову и отвернувшись, по-детски вытирая слезы ладошкой, и Скворцов **рад был**, что она смеется, **ужасно рад!** (к)

[3] Usłyszawszy to Nel wdrapała się w jednej chwili na kolana pana Tarkowskiego i objęła go za szyję, następnie przeskoczyła na ojcowskie:

– Tatusiu, **jaka ja jestem szczęśliwa! Jaka szczęśliwa!** (к)

[4] – A ty, patrz, takie zęby chciałeś spiłować! – westchnęła Sandra.

– **Wstydz się**, Uttamar, **wstydz!** – wołali wodzowie. – To tak, jakbyś pięć sztab złota wyrzucił na środku rzeki. (к)

В этих примерах повторение слов или предложений нужно не для усиления выразительности, а для передачи эмоционально-возбужденного состояния говорящего. Эмоциональная экспрессивность повтора основана здесь на соответствующем интонационном оформлении высказывания, в котором выражается определенное психическое состояние говорящего: чрезмерная радость, полное удовлетворение, сильное смущение. В этом заключается важная функция повтора – функция нарастания, т.е. выражения постепенно-сти увеличения силы эмоций. В литературном языке двухкратное повторение является самым распространенным: в русском фактическом материале оно составляет ок. 70%, а в польском – ок. 80%.

2) трехкратное повторение:

[5] Что за женщина, что за прелесть эта Каролинхен! Веришь ли, mon cher, я вот почти десять лет с ней дружен, и каждый день открываю в ней все новые совершенства! Ты представь себе, что она даже не стареет, эта женщина, что ей сорок лет, а она кажется девочкой лет восемнадцати! **Я счастлив, счастлив и счастлив!** (к)

[6] – Вы это так говорите, как будто вы сами этому даже рады. – **Даже рад! Да, я рад! Я очень рад!** Ведь у нас «борьба наша не с плотину и кровию, а с тьмою века, – с духами злобы, живущими на земле». Мы ведём войну против тьмы веков и против духов злобы, а они гонят нас и убивают, как ранее гнали и убивали тех, которые были во всем нас лучше. (к)

[7] **Cieszę się**, że czujesz się dobrze, **cieszę się**, że piszesz tak jak chcesz, **cieszę się** na Twój poemat satyryczny i na to, że po przyjeździe Waszym, Kochani, spotkamy się i pogwarzymy przy szklanicy napoju, który sam sobie wybierzesz w ciężar mojego zaległego i obiecanego rachunku. (к)

[8] A wtem ujrzał w mroku i jej oczy, szeroko otwarte, przerażone, nieprzytomne. Więc skoczył ku niej i chwycił ją w ramiona, lecz ona nie poznała go zupełnie i wyrwijąc mu się z rąk, poczęła powtarzać zdyszczanym szeptem:

– **Boję się! boję się! boję się!**...

Nie pomogły łagodne słowa ni pieszczoty, ni zakłęcia – Danusia nie poznawała nikogo i nie odzyskała przytomności. Jedynym uczuciem, które opanowało całą jej istotę, był przestach podobny do takiego płochliwego przestachu, jaki okazują schwywane ptaki.

Трёхкратное повторение используется авторами литературных произведений реже. В приведенных примерах повтор отдельных слов или целых высказываний служит для выражения интенсивных эмоций говорящего, его большой радости, а в последнем польском примере чувства страха. Трёхкратный повтор гораздо чаще появляется в русском материале (ок. 28%), что свидетельствует о большей эмоциональности, экспрессивности русской речи по сравнению с польской (ок. 16%).

3) многократное повторение:

[9] Потому что я **боюсь!** И секса **боюсь!** И его **боюсь!** И себя **боюсь!** И вообще я комплекую! И не представляю, чтобы когда-нибудь мы переступили эту черту. Табу! (к)

[10] Он **злился** про себя. **Злился** на упрямство Девяткина, граничащее с тупостью. **Злился** на себя самого, упавшего в обморок в дымном лесу. **Злился** на свой голод. Временами плевал в открытое окно, временами сосал воду, иногда подавал голос. (к)

[11] – Daj. – Iwona drze czek. – Nie żal ci?

Marta bierze haust powietrza do płuc i wypuszcza je z lekkim szumem.

– **Żal. Żal. Jak cholera żal.** Така купа forsы! **Jeszcze jak mi żal.** Ale teraz mi lepiej. Jest jedna rzecz, którą chciałabym od ciebie teraz dostać. (Grochola)

[12] – Nie chcę się wtrącać, ale czy twój mąż przypadkiem nie...

O nie, na pewno mój mąż NIE! [...] ja wiem, że mnie **kocha, kocha** nade wszystko, **kocha** po swojemu, niestety, nie po mojemu, **kocha**, bo jest zazdrosny, **kocha**, bo chce być ze mną, **kocha**, bo chce, żebym była szczęśliwa. (Grochola)

Множественное повторение слов и предложений придает интенсивность, особый колорит всему высказыванию. Повторяющиеся элементы обычно стоят в сильных позициях текста, т.е. в начале или в конце. В какой-то степени повтор образует стержень текста, на котором сосредоточивается внимание читателя. В вышеприведенных примерах автором используется многократный повтор, выполняющий усилительно-эмоциональную функцию: четыре раза во всем отрывке текста используется предикат со значением страха, злости, жалости, а в последнем примере – шесть раз предикат со значением чувства любви. Накопление многих повторений в одном высказывании встречается в обоих языках довольно редко.

В диалогической речи, характеризующейся большей эмоциональностью, говорящий использует повтор с целью речевого воздействия на собеседника и таким образом реализует свою коммуникативную задачу. Ср.:

[13] Когда Нагаев хотел отойти от Марины в сторону, чтобы разглядеть след получше, она с криками цеплялась за него и принималась плакать, и Нагаев ругался последними словами. Марина висела на нем, как прикованная. Оторвать ее могла только смерть.

- **Ой, боюсь, боюсь, боюсь!** – причитала она хриплым, кликушеским голосом.
- Да чего **боишься?** Ведь здесь я! Вот дурища!
- **Ой, боюсь, боюсь, боюсь...**
- Тьфу, черт! .. По скуле тебе дать, что ли?
- **Ой, боюсь, боюсь...** (к)

Здесь повторяются не только лексемы, называющие состояние страха героини, но повторяются также очередные ее реплики, причем постепенно снижается экспрессивность высказывания до того, что в последней имеются только два повтора с умолчанием, без восклицательного знака. Такое накопление повторяющихся средств, восполненное восклицательной интонацией и недоговариванием конца фразы, свидетельствует об очень высокой степени интенсивности страха Марины, которая все время повторяет одно и то же, независимо от того, что собеседник – Нагаев – ее успокаивает, наконец теряет терпение, даже ругает ее.

В рамках предложения, сверхфразового единства или текста повторяющиеся речевые единицы могут занимать контактную позицию, т.е. стоять друг за другом, напр.:

[14] – Я тоже такого характера, – отвечал Ступицын, – и мне очень приятно, что мы сходимся с вами в этом отношении. Бог даст, со временем мы будем затевать этакое, знаете, маленькие пирушки; это, по моему мнению, очень приятно. – Послушайте, Антон Федотыч, **я сегодня так счастлив, так счастлив**, что даже ничего не понимаю. (к)

[15] – Очень приятно было снова с вами встретиться. **Очень рад. Очень рад.** (к)

[16] Wiedziałam, że nie przyłapie się niewidzialnego. **Żal, żal**, że nie daje żadnego znaku życia. (к)

[17] – Dobrze zrozumiałaś – zaśmiała się Gabrysia i już była w uścisku Kreski, która dusiła ją w entuzjastycznych objęciach, całując z dubeltówki i wołając:

– Gaba! **Jak ja się cieszę! Jak ja się cieszę!** Ja chcę być matką chrzestną! – po czym, ochłonawszy, ziewnęła i dodała ze łzami wzruszenia: – Tylko obiecaj mi, że pójdziesz do szpitala tydzień wcześniej! (к)

Структурная организация приведенных высказываний отличается тем, что повторяются в них непосредственно следующие друг за другом слова или целые предложения, построенные однотипно. Наиболее употребительный случай простого контактного повтора – удвоение слова или предложения.

В случае дистантного повтора слова со значением эмоционального состояния отделяются другими словами, а предложения со значением состояния другими высказываниями, напр.:

[18] Не они нас наживают – мы их. Никому бы ни при каких обстоятельствах не рассказал Витька, как его обокрали – **стыдно**. Две шлюхи... **Стыдно, мучительно стыдно!** (к)

[19] – Нет, это не может быть! **Как я счастлив!** Но это не может быть... **Как я счастлив!** Нет, не может быть! – говорил Пьер, целуя руки княжны Марьи. – Вы поезжайте в Петербург; это лучше. (к)

[20] – [...] Zrobiłbym wizje, pomiksował jej filmy i rzucalibyśmy to na ekran podczas koncertów. Jakie możliwości! Wszystkie sceny stałyby przed nami otworem, i niezależne, i klubowe. – Guma zsunął czapkę na tył głowy. – **Cieszę się, naprawdę się cieszę!** (к)

[21] Jej spojrzenie wróciło do niego z daleka.

– Nie wiem co – mówiła sennie. – **Tak się cieszę**, że mnie odnalazłeś. Czekałam na ciebie – mówiła. – Ale teraz to już nie ma znaczenia. **Tak się cieszę**, że zdążyłeś. (Grochola)

В большинстве случаев в возбужденной эмоциональной речи повторяющиеся единицы, особенно предложения, модифицируются, распространяются самостоятельными и служебными частями речи, обращениями, придаточными частями и т.п. В результате возникает расширенный повтор. В русскоязычном материале он составляет около 98% всех повторов, в польскоязычном – ок. 95%. Ср.:

[22] Но Катя приняла волнение своего жениха за новую и последнюю улику.

– И вы еще спрашиваете? Вы хотите, чтоб я назвала вам ваш поступок по имени? **Но мне стыдно, стыдно! Стыдно за вас и за себя...**

Она не могла продолжать. Слезы горькой обиды душили ее. (к)

[23] Штаално было неудобно и смешно стоять в этой позе на узкой лестнице, и он пожалел о том, что преждевременно обнял свою даму. [...] Молодой человек ограничился тем, что, освободив лоб, страстно припал к руке своей гостьи и несколько раз повторил:

– **Как я счастлив! Боже, как я счастлив!**

Она вырвала руку, вдруг захохотала и побежала наверх. Штааль последовал за ней. (к)

[24] – Pozwoli pan, Kloss – powiedział – że przedstawię pana naszemu wypróbowanemu przyjacielowi, księciu Mżawanadze.

– **Цieszę się, naprawdę się cieszę**, że pana poznaję – powiedział książe. – Miło mi uścisnąć dłoń człowieka, który przyjeżdża z kraju dźwigającego na swych barkach ciężar walki z bolszewizmem. (к)

[25] SUPERIUSZ – Wiadomo co. Dusza racjonalisty nie wytrzymała napору tajemniczych sił. Jego sztywna świadomość goni w piętę, ścigana przez upiory podświadomości. Naszego profesora ogarnęła tęsknota, czyli chandra. Niech pan się jeszcze napije, profesorze. Jak już, to już.

NAUCZYCIEL (szlochając) – **Żal... Tak mi żal, tak mi żal...**

OJCIEC – Czego, panie magistrze. Przecież wojna się kończy, wracamy wszyscy do domu. (к)

По мере роста эмоциональной напряженности говорящий в очередном повторении фразы или предложения употребляет разные средства, сигнализирующие все большую степень переживаемой эмоции, напр.:

[26] Что вы смеетесь, Сонечка? Соня. У меня в голове как-то странно... Юлечка, я сегодня **так счастлива, так счастлива, что даже скучно от счастья...** Места себе не найду... Ну, давайте говорить о чем-нибудь, давайте... Вы были когда-нибудь влюблены? (Чехов)

[27] Он осторожно пожал ее руку и задержал.

– **Я счастлив, Машенька. Я очень счастлив сегодня.**

– Правда? – Маша радостно покраснела. – Я рада. (к)

[28] – Ты хоть запахнись, – крикнул ей вслед мастер.

– Плевала я на это, – ответила Маргарита уже из коридорчика.

И вот уже Азazelло раскланивался, здоровался с мастером, сверкал ему своим кривым глазом, а Маргарита восклицала:

– **Ах, как я рада! Я никогда не была так рада в жизни!** Но простите, Азazelло, что я голая! (к)

[29] Джекки восторженно глядела на раскинувшиеся внизу просторы.

– Какое невероятное ощущение!

– Да, чудесно, – поддержал Каштанов, от страха зажмуривший глаза. – **Но вообще-то я боюсь высоты! Панически боюсь!**

– Вы что, дразните меня? – не поверила спортивная Джекки. (к)

[30] Думаю: миленький, солдатик ненаглядный, как же мы вас ждали! Ах, как же мы вас ждали! Нас пропустили, Леля, Марк, остальное пустяки. Я дома, Леля! Я дома! Я дома, Марк! **Я такая счастливая. Я самый счастливый человек на свете!** (κ)

[31] Albowiem jestem tu z MOIM TERRORYSTĄ, z moim Klausem, z moim Skarbem, świeżo wypuszczonym z więzienia, i nigdy, nigdy w życiu nie byłam **tak szczęśliwa!** Tym **szczęśliwsza**, że niebawem – WEG, jak mówią tubylcy, do Warszawy, do Maksia, i Bóg wie, co dalej. (κ)

[32] Gospodarz widząc, że sprawny ze mnie pomocnik [...] zaczął uważać mnie za stałego parobka. Dostałem swoją komórkę w szopie, gdzie trzymano kozy i wreszcie **почуłem się szczęśliwy**. Так **szczęśliwy**, jak jeszcze nigdy w życiu nie byłem. Miałem wszystko, co mi było potrzebne. (κ)

[33] – „W Saskim Ogrodzie koło fontanny” – zaśpiewał nagle radosnym głosem. Roześmiała się i przez chwilę czuła się bardzo **szczęśliwa**, chyba **najszczęśliwsza** na świecie. (κ)

Повтор предложений, служащий для усиления выразительности речи, создает психологический эффект – подчеркивание, собственно эмоциональное насыщение текста, эстетическое оформление (Одинцов 2007: 117). Конструктивная модель предложения дополняется языковыми средствами выражения градации эмоций, добавлением определяющих компонентов (*панически, очень, безумно, бесконечно, ужасно, простодушно, просто-напросто, мучительно, вполне; bardzo, naprawdę, okropnie*), использованием междометий (*ax!, ой!, о!, Боже!, Боже мой!; och!, ach!, Boże!*), усилительных слов (*как, так, такая; jak, jakże, tak, jaka, taka, co za...*), форм степеней сравнения (*самый счастливый; szczęśliwsza, najszczęśliwsza*), придаточных предложений (*что даже скучно от счастья...; jak jeszcze nigdy w życiu nie byłem*) и т.д. Кроме того, в приведенных выше контекстах крайняя степень радости или страха выражается с помощью нескольких высказываний, нередко заканчивающихся восклицательным знаком. Оказывается, что определенные эмоции тяготеют к определенным коммуникативным типам высказываний (Шаховский 2008: 149), в данном случае к восклицательным предложениям. Такие синтаксические структуры свойственны только аффективной речи. Коммуникативная цель эмотивного речевого акта, выражающего радость – дать положительную оценку действию, явлению, сложившейся ситуации и т.п., а в случае страха – показать неуверенность, незащищенность, невозможность контролировать ситуацию. Приведенные тексты отличаются наибольшей плотностью эмотивности, отражающей самую высокую степень эмоциональной напряженности тех ситуаций, в которых эти высказывания реализуются.

Иногда в одной реплике участника коммуникации появляются исключительно восклицательные предложения, напр.:

[34] – **Как вам не стыдно!** Бить женщину – подло! Опомнитесь! **Стыдно!** Нельзя! Что с вами?! Прекратите!!! (к)

Говорящий оскорблен поведением мужчины, который бьет женщину; он считает, что тот должен стыдиться своего поведения, что это подло и недопустимо, и, самое главное, должен это прекратить. Графическая форма свидетельствует о сильной эмоциональной взволнованности автора: кроме повторяющихся восклицательных предложений с лексемой стыдно, элемент высказывания, наиболее важный с позиции говорящего, выделяется тройным восклицательным знаком – !!! Также все отдельные восклицательные предложения своим лексическим наполнением, грамматическими формами и спецификой предикативных единиц достаточно полно отражают эмоциональное состояние человека.

Синтаксический повтор является средством стилизации разговорной эмоциональной речи. Возбужденная, экспрессивно-окрашенная речь характеризуется не только фрагментарностью и некоторой алогичностью построения, но и повторением отдельных частей высказывания. Такое повторение слов, сочетаний и предложений в эмоциональной, возбужденной речи является закономерностью. Сравнительный анализ русского и польского фактического материала позволяет считать русскую речь более эмоциональной и экспрессивной. Свидетельствует об этом, между прочим, обилие эмотивных высказываний, в которых эмоциональный фон создается благодаря комплексному использованию эмотивно-экспрессивных средств. По мнению А. Вежицкой, одной из русских культурных ценностей является открытое неконтролируемое проявление эмоций. Русские являются людьми экспрессивными и «эмоционально живыми», их отличает общая экспансивность, легкость в выражении чувств, импульсивность, что находит свое отражение в их речи (1997: 34).

Таким образом, синтаксические единицы совместно с лексическими знаками, сопровождаемые добавочными грамматическими средствами и стилистическими приемами, служат для формирования эмоционально-смысловой доминанты текста. «Эта совокупность средств – пишет Н. А. Трофимова – связана отношениями сложного взаимодействия: некоторые синтаксические конструкции требуют определенного лексического наполнения, и наоборот, лексические элементы обуславливают порой синтаксическое построение высказывания, вызывают в жизнь специфические синтаксические конструкции» (2008: 157). Оказывается, что именно повторы используются для выделения главной мысли во всем предложении или тексте, служат для выражения эмоций высокой степени интенсивности, выполняя тем самым экспрессивно-эмотивную функцию. Величина расстояния между повторяющимися единицами и число повторений бывают различными, но обязательно такими, чтобы можно было заметить повтор. Повторение слов,

словосочетаний и предложений сопровождается большим разнообразием средств, увеличивающих эмотивную силу высказывания. Это, прежде всего, особая восклицательная интонация (на письме восклицательный знак), эмоциональные междометия, частицы, формы степеней сравнения прилагательных и наречий, сравнительные конструкции, члены, распространяющие семантико-синтаксическую структуру предложения, придаточные предложения, а также более широкий контекст. Число повторяющихся элементов в рамках одного сверхфразового единства разное: в обоих языках доминируют двухкратные повторы, многократные появляются редко, а трехкратные более свойственны русской речи. Кроме того, лексико-синтаксические повторы отличаются большим разнообразием и количеством средств, способствующих выражению экспрессивной и эмотивной функции высказывания.

Библиография

- Вежицкая А. (1997), *Язык – Культура – Познание*, Москва.
- Геронская В. В. (2009), *Особенности передачи лексико-синтаксических повторов при переводе художественных текстов с английского на казахский и русский языки* «Вестник Казахстанско-Американского свободного университета», № 2, Online версия журнала, file:///C:/Users/Zofia/Downloads/%D1%80%D0%BEwtory7.htm
- Изард К. Э. (1999), *Психология эмоций*, Санкт-Петербург.
- Одинцов В. В. (2007), *Стилистика текста*, Москва.
- Розенталь Д. Э., Джанджакова Е. В., Кабанова Н. П. (1999), *Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию*. Глава L, Москва, eartist.narod.ru
- Трофимова Н. А. (2008), *Эмотивный смысл высказывания и операторы его порождения*, «Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, Языкознание», № 78, с. 154–160.
- Шаховский В. И. (2008), *Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка*, изд. 3, Москва.
- Шаховский В. И. (2008), *Лингвистическая теория эмоций. Монография*, Москва.
- Grzesiuk A. (1995), *Składnia wypowiedzi emocjonalnych*, Lublin.

Zofia Czapiga

REPETITION AS A MEANS OF EXPRESSING EMOTIONS (ON THE MATERIAL OF RUSSIAN AND POLISH)

(Summary)

The present paper is devoted to the problem of repetition as a means of expressing emotions on the syntax level in Russian and in Polish. Not only individual lexemes can be repeated, but also phrases with the predicative function or even whole sentences. The number of repetitions may also

---

vary – double ones are most common in both languages under investigation, multiple ones are rare in the data. Triple repetitions are relatively popular only in the Russian material. Repetitions are usually accompanied by other means of expressing emotions: exclamatory intonation, particles, emotional exclamations, comparative and superlative forms of adjectives and adverbs, comparisons, etc.

Keywords: repetition, emotionality, Polish language, Russian language.